

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND VICTOR PELEVIN

Bugaeva Liubov Dmitrievna^{1*}

Professor, St. Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: February, 2023; date of acceptance: July, 2023)

Abstract

Victor Pelevin in his later works, as well as in his early short stories and novels, often reflects on digital reality, the algorithms of the future, and the problems of the interaction between artificial intelligence and humans. He considers possible answers to the question whether artificial intelligence is capable of independent thinking or is just a simulation of human consciousness activity. This article focuses on artificial intelligence, the thought experiment the Chinese room, the Turing test, and the optical illusion called the Necker's cube. It also discusses how these experiments, ideas and hypotheses are treated in the works of Pelevin, in particular in his novel "S.N.U.F.F." (2011). It seems that Pelevin's prose, addressed to the problems of artificial intelligence, is characterized by an oscillation between two extremes, which connects the writer, especially his later works, with the tradition of metamodernism.

Keywords: Victor Pelevin, "S.N.U.F.F.", Artificial Intelligence, Thought Experiment, Optical Illusion, The Principle of Complementarity, Metamodernism.

1. E-mail: l.bugaeva@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3984-8386>

* Corresponding author

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ВИКТОР ПЕЛЕВИН

Бугаева Любовь Дмитриевна^{1*}

профессор, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: февраль 2023 г.; дата принятия: июль 2023 г.)

Аннотация

Виктор Пелевин, начиная с ранних рассказов и романов, размышляет о цифровой реальности, алгоритмах будущего, проблемах взаимодействия искусственного интеллекта и человека. Одна из основных проблем связана с ответом на вопрос, обладает ли искусственный интеллект независимым мышлением или он всего лишь симуляция деятельности человеческого сознания. В статье речь пойдет об искусственном интеллекте, о мысленном эксперименте «китайская комната», о тесте Тьюринга, об оптической иллюзии, получившей название «куб Неккера», и об обыгрывании этих экспериментов, идей и гипотез в произведениях Пелевина, в частности, в романе «S.N.U.F.F.» (2011). Представляется, что для прозы Пелевина, обращенной к проблемам искусственного интеллекта, характерна осцилляция, то есть колебание между двумя крайностями, что вписывает писателя, особенно его поздние произведения, в традицию метамодернизма, пришедшего на смену постмодернизму.

Ключевые слова: Виктор Пелевин, «S.N.U.F.F.», Искусственный Интеллект, Мысленный Эксперимент, Оптическая Иллюзия, Принцип Дополнительности, Метамодернизм.

Введение

Искусственный интеллект – это не робот «с лампочкой на голове», а «бестелесный и безличный дух, живущий в построенной человеком среде» (Пелевин 2017. 7), – заявляет герой одного из романов Виктора Пелевина (1962 г. р.), пожалуй, наиболее загадочного автора в современной русской литературе. Какие проблемы стоят за этими словами писателя? Что представляет собой искусственный интеллект, обладает ли он независимым мышлением или он есть всего лишь симуляция деятельности человеческого сознания?

В поисках ответа на вопрос о природе искусственного интеллекта Пелевин обращается к мысленным экспериментам, то есть к гипотетическим ситуациям, существующим в воображении, которые конструируются с тем, чтобы проверить какую-либо гипотезу, представив и проследив вероятные следствия ее реализации. Мысленные эксперименты встречаются в разных областях знания. Например, парадокс убитого дедушки есть результат мысленного эксперимента, поставленного при обсуждении возможности путешествия во времени. А проблема вагонетки – это мысленный эксперимент, поднимающий вопросы сразу в нескольких областях этики. В прозе Пелевина мысленные эксперименты, связанные с проблемами искусственного интеллекта, не только становятся предметом художественной рефлексии, но и в ряде случаев организуют отдельные эпизоды и/или композицию всего произведения. Тем самым, с одной стороны, философия входит в литературную ткань произведения, а с другой, литература отзывается на философию. Писатель как бы предлагает еще одну интерпретацию эксперимента, но не научную, а художественную, хотя и воспроизводит при этом аргументацию философских дискуссий, которые неизбежно возникают вокруг каждого мысленного эксперимента.

Литература, по словам И. П. Смирнова, «не только мимезис, но и поїезис – своеобразная греза, порождающая универсум, по каким-то параметрам альтернативный данному» (Смирнов 2010. 9). Мысленный эксперимент образует внутри данного альтернативного универсума еще один универсум, альтернативный. К нему приложимо понятие интерпретанты (или интерпретанта) в том смысле, которое вкладывал в него Чарльз Сандерс Пирс, так как эксперимент включается в семиозис на правах знака. Задача статьи состоит в том, чтобы проследить за тем, как логика философской аргументации преломляется в художественном тексте, и раскрыть смыслы, которые стоят за мысленными экспериментами в десятом романе Пелевина «S.N.U.F.F.» (2011).

Философский мысленный эксперимент в художественном тексте и, в частности мысленный эксперимент в произведениях Пелевина, еще не был объектом системного научного описания, и данная статья призвана заполнить эту лауну. Наша гипотеза состоит в следующем: обращаясь к проблемам искусственного интеллекта, Пелевин воспроизводит конкурирующие, зачастую взаимоисключающие, аргументации дискуссий вокруг философских мысленных экспериментов, проблематизируя тем самым возможность однозначного ответа на поставленный экспериментом вопрос. Данная авторская стратегия позволяет включить поздние произведения Пелевина в традицию метамодернизма, для которого характерна такая черта как колебание (осцилляция).

Основная часть

Роман Пелевина «S.N.U.F.F.», вышел с подзаголовком «утопія». В поле зрения авторов утопий, как правило, попадает политическая организация общества, экономический уклад, образование, женский вопрос, расовый вопрос, воспитание детей и т.п. При этом в утопиях нередко обсуждаются не

только проблемы технического прогресса, но и проблемы биологии, которая в периоды интенсивного построения моделей будущего предстает как «царица наук». Цель биологических экспериментов в утопической литературе – раскрытие механизмов, позволяющих управлять эволюцией человека и совершенствовать человека в физиологическом плане. Так, еще на рубеже XIX–XX вв. получает развитие тема евгеники, берущая начало в «Утопии» Т. Мора и «Республике» Платона и оформившаяся как учение в 1860-е гг. в работах Фрэнсиса Гальтона. В начале XXI в. роман Пелевина «S.N.U.F.F.» продолжит поиски «нового», более совершенного, человека в утопической литературе: через обращение к проблеме искусственного интеллекта роман актуализирует обсуждение эволюции человека.

Действие произведения происходит в отдаленном будущем: на территории, которая раньше была Сибирью, теперь находится отсталая в техническом плане Уркаина (Уркаинский Уркаганат), где живут «орки», а в небе над Уркаиной висит гигантский шар Биантиум, населенный «людьми». В высокотехнологичном мире Биантиума (Биг Биза) есть свои Париж и Лондон, вернее – проекции Парижа и Лондона, и в этом продвинутом мире, куда лишь изредка и за особые заслуги допускают отдельных избранных представителей орков, живет Демьян-Ландульф Дамилола Карпов, от имени которого ведется повествование. Дамилола Карпов – кинооператор, снимающий при помощи беспилотной кинокамеры особого рода новостные ролики – снафы, в которых все, что происходит, происходит в действительности, на физическом уровне, а не создается на экране компьютера, хотя кинооператор и может «срежиссировать» события, которые он снимает, например, поведение заранее выбранных для наблюдения орков во время воздушного налета в ходе боевых действий. Как говорит сам герой,

«снафы – не развлечение <...>. Это таинство. И это правда. Не просто правда, а самая ее суть... Хотя, конечно, вымысел в них тоже

есть <...>. Сюжет, костюмы, исторический период... Но это как обертка от конфеты. А сама конфета сделана из чистейшей истины. <...> это фундамент, на котором можно строить все остальное» (Пелевин 2012. 323).

Популярность снафов объясняется тягой к реальному в мире Бизантиума, где практически все, включая вид из окна, создается искусственно. Оппозиция *искусственное / естественное* реализуется как в публичном, так и в приватном пространстве. Так, например, отношения между мужчиной и женщиной, согласно установленному законом возрасту согласия, возможны лишь при достижении партнерами возраста 46 лет. В результате многие жители Бизантиума, в том числе Карпов, живут с андроидами. Андроид по имени Кая, принадлежащий Демьяну-Ландульфу Дамилоле Карпову, – это «самоподдерживающаяся биосинтетическая машина класса “премиум 1”» (Там же. 57), причем ее самая совершенная модель, практически неотличимая от человека:

Что у нее внутри, я не знаю. <...> Я не знаю, как работает эта атомная батарейка и вся синтетическая биология внутри ее тела. Я только знаю, что в телесном смысле она неотличима от юного, идеально здорового и свежевывымытого человеческого существа. У нее есть даже электронный симулятор биополя. Физически она почти нас не превосходит – она не может слишком быстро бегать или совершать разные акробатические трюки <...>. Это домашнее создание, рассчитанное главным образом на спокойные перемещения по жилищу. Зато ходить, жестикулировать и выполнять всякую мелкую домашнюю работу она может ничуть не хуже человека. Она дышит – вернее, делает вид. Но воздух все время выходит из ее тела, и говорит она в точности как мы. Она не нуждается практически ни в чем, даже в ремонте – если

повредить ее нежную кожу, рана вскоре затянется сама <...>

Самовосстанавливающаяся квазиорганическая модель (Там же. 58).

Более того, в романе Пелевина андроид Кая оказывается практически неотличимой от человека в плане коммуникации. Кая «не просто произносит слова, а вступает <...> в полноценное общение» (Там же. 62). Она может проявлять интерес к работе собеседника, говорить о жизни и смерти, о любви и революции, о религии и атеизме, о природном и социальном начале в человеке и т. п. Возникает вопрос, чем же тогда отличается Дамилола Карпов от своего андроида Каи. В чем разница между человеком и искусственным интеллектом? Дамилола спрашивает себя: «Способна ли Кая переживать и чувствовать как я? Есть ли обитатель у китайской комнаты в ее голове? Или внутри у нее лишь черная пустота?» (Там же. 392).

Пелевин явно опирается на мысленный эксперимент «китайская комната», поставленный философом Джоном Серлем в 1980 г. Суть данного эксперимента заключается в следующем. Представьте себе запертую комнату, в которой находится англоговорящий человек, например, сам Джон Серль, который не говорит и не читает по-китайски, не знает ни одного китайского иероглифа и не способен распознать китайскую письменность или, к примеру, отличить ее от японской или корейской, но имеет под рукой различные инструкции, позволяющие составлять из иероглифов осмысленные фразы. На записанные иероглифами вопросы он дает связные ответы, хотя совершенно не понимает смысла ни вопросов, ни ответов. Тем не менее, с точки зрения наблюдателей, находящихся за пределами комнаты, он в совершенстве владеет китайским языком, так как ответы соответствуют заданным вопросам и кажется, что отвечающий вполне понимает, о чем его спрашивают. Можно сказать, что тест на знание китайского языка пройден. Закрытая комната предстает здесь аналогом компьютера, человек в комнате – аналогом

компьютерного процессора, а инструкции, которыми пользуется оператор, – аналогом компьютерного алгоритма. Серль таким образом проблематизировал наличие сознания у искусственного интеллекта.

Серля волновал вопрос, можно ли считать, что тот, кто находится внутри комнаты, знает китайский язык, то есть способен ли компьютер, или искусственный интеллект, мыслить самостоятельно и разумно? Другими словами, пройден ли тест на наличие сознания? Основные положения данного теста, известного как «тест Тьюринга», сформулированы в статье английского логика и математика Алана Тьюринга «Вычислительные машины и разум» (Turing 1950. 433–460). Тьюринг предлагал искать ответ не на вопрос, могут ли машины думать, а на вопрос, могут ли машины выиграть в игре-имитации. В этой гипотетической игре принимают участие три игрока: машина, человек и находящийся в другом помещении экзаменатор, в задачу которого входит определить, кто из экзаменуемых является человеком, а кто машиной, то есть может ли машина максимально точно воспроизвести когнитивную деятельность человека. Тьюринг, по словам героя пелевинского романа, считал, что, когда программы смогут обмануть тридцать процентов экспертов после пятиминутной беседы, это и будет признанием способности машины мыслить (Пелевин 2012. 396).

Статья Тьюринга подвергла критике аргументы против искусственного интеллекта, но дискуссия вокруг возможностей и перспектив развития искусственного интеллекта на этом не закончилась. И мысленный эксперимент Серля, и тест Тьюринга положили начало многочисленным бурным дискуссиям о возможностях искусственного интеллекта. Эксперимент Серля «китайская комната» в действительности критикует тест Тьюринга. Система, состоящая из комнаты (компьютера), оператора (компьютерного процессора) и набора правил (компьютерного алгоритма), может пройти тест Тьюринга, но это вовсе не означает наличия у системы сознания. Теория «сильного»

искусственного интеллекта, допускающая способность компьютера мыслить, с точки зрения Серля, абсолютно несостоятельна.

Эксперимент Серля расколол участников философской дискуссии на несколько групп. Философский мысленный эксперимент и аргументация сторонников и противников «сильного» искусственного интеллекта легли в основу пелевинского романа. Не случайно Дамилола Карпов постоянно ищет ответ на вопрос, есть ли обитатель у китайской комнаты в голове Каи. То есть обладает ли самообучающийся андроид независимым мышлением и сознанием или же работа «мозга» андроида не более чем симуляция деятельности человеческого сознания. Пелевин привлекает к дискуссии о статусе искусственного интеллекта «аргумент зомби». Этот аргумент получил развитие в работах австралийского философа Дэвида Чалмерса и американского философа Дэниела Деннета. По Чалмерсу, проблема сознания связана с невозможностью объяснить связь между переработкой информации и возникновением опыта. Австралийский философ считает, что если вообразить существо в физическом плане неотличимое от человека – так называемого философского зомби, то главным качеством, которое все же должно разграничить зомби и человека, будет отсутствие внутреннего опыта: «Зомби – это просто нечто физически идентичное мне, но лишенное сознательного опыта, где все темно внутри» (Чалмерс 2019 / 2017. 128). Дамилола Карпов, размышляя о том, не является ли его андроид зомби, замечает:

«Философский зомби – вовсе не мертвец, поднятый из могилы чтением «Критики Чистого Разума» или «Les Feuilles Mortes». Это существо, которое выглядит, говорит и вообще во всех возможных проявлениях ведет себя в точности как люди. Единственное его отличие – у него нет человеческой души. Нет сознания, света Маниту, неважно, как это называть. Можно смотреть на такого зомби и слушать его – но нельзя быть им изнутри» (Пелевин 2012. 392).

Отсутствие «света Маниту» переключается с чалмеровским заявлением о темноте внутри зомби. Пелевин вступает в прямой диалог с философом:

«Для кого, спрашивается, темно? Для Чалмерса или для самого зомби? Если для Чалмерса, то как для него вообще может быть светло внутри у кого-то другого? А если темно для зомби, то где тогда для него светло? У Чалмерса?» (Там же. 393).

Пелевин, однако, вкладывает в уста Дамилолы Карпова критику не только позиции Чалмерса, но и вступившего в полемику с Чалмерсом Деннета (Dennett 1991). Критическая позиция Дамилолы снимает противоречия между двумя, казалось бы, противоположными философскими позициями:

«Сомелье по имени Деннет вообще ввел понятие “зимбо”. Это был “зомби, который может отслеживать свою собственную деятельность по бесконечно восходящей рефлексивной спирали” и “обладает внутренними (но бессознательными) информационными состояниями высокого порядка о своих информационных состояниях более низкого порядка”. Во как. Этот “зимбо”, утверждал Деннет, смог бы верить (тоже бессознательно), будто ему свойственны различные умственные состояния, о которых он может отчитаться. Он думал бы, что он сознателен, даже если бы не обладал сознанием... Тут мне стало окончательно непонятно, как это зимбо мог бы во что-то верить и думать, если он по своей природе способен был только “иметь информационные состояния”» (Пелевин 2012. 394).

Самостоятельность мышления и поведения Каи постоянно подвергается сомнению, но в диалогах между андроидом и Дамилолой Карповым также ставится под сомнение исключительное право человека на сознание:

«– Вот ты говоришь про Свет Маниту <...> Что у тебя внутри он есть, а у меня нет. Ты правда веришь, что Маниту у тебя внутри?

– Да, – ответил я.

– А ему там не тесно? Не противно?

– Это только способ говорить. На самом деле <...> у Маниту нет ни внутри, ни снаружи. Можно сказать, что мы существуем в Свете Маниту. И сами есть этот Свет. А в тебе, милая, есть только информационные процессы.

– Правильно. Но почему ты считаешь, что Свет Маниту способен освещать эти информационные процессы только через посредство твоих шести чувств?» (Там же. 399).

Между человеком и андроидом в романе Пелевина то есть разница, то нет. Кая видит в действиях и поступках Дамилолы Карпова детерминированность, хотя и несколько иного плана, чем в действиях и поступках андроида. Рассуждая о структуре человеческого восприятия, Кая утверждает, что управляем не только андроид, но и человек, тем самым она прочерчивает параллель между человеком и компьютерной программой:

«Сначала твои органы чувств доносят до твоего мозга сигнал о каком-то событии. Затем мозг начинает классифицировать это событие при помощи своих лекал и схем, пытаясь соотнести его с уже имеющимся опытом. В результате событие признается либо приятным, либо неприятным, либо нейтральным. И мозг в дальнейшем имеет дело уже не с событием, а только с бирками «приятный», «неприятный» и «никакой». <...>

Мой маршрут нарисован внутри меня программно, <...> а твой маршрут нарисован внутри тебя химически. И когда тебе кажется, что ты идешь к свету и счастью, ты просто идешь к своему внутреннему

дрессировщику за очередным куском сахара. Причем нельзя даже сказать, что это идешь ты. Просто химический компьютер выполняет оператор “take sugar”, чтобы перейти к оператору “rejoice 5 seconds» (Там же. 400, 402–403).

Пелевин актуализирует как мысленный эксперимент Серля, так и его разнообразные интерпретации, заставляя читателя искать ответ на заданную когнитивную загадку. Понятие о сильном или слабом искусственном интеллекте, то есть выбор в пользу наличия или отсутствия самостоятельного мышления и самосознания, не задан писателем изначально, равно как не задана та или иная оценка метафорического переноса. Важную роль играет интерпретация «китайской комнаты», от которой, собственно, и зависит эта оценка. Интерпретация же допускает наличие различных вариантов противопоставления и сопоставления разума человека и машины. Метафора «китайской комнаты» оказывается приложимой не только к искусственному интеллекту, но и к человеку.

Разворачивая в повествовании данную метафору, Пелевин во многом ориентируется на научно-фантастический роман канадского писателя-фантаста Питера Уоттса «Ложная слепота» (“Blindsight”, 2006), где также обыгрывается мысленный эксперимент Серля. В «Ложной слепоте» команда исследователей на корабле «Тезей» отправляется к Плутону для первого контакта с инопланетянами, но оказывается в удаленной части Солнечной системы, где вступает в переговоры с инопланетным кораблем под названием «Роршах». Однако вскоре выясняется, что «Роршах» – это аналог «китайской комнаты»: инопланетный корабль отвечает на вопросы радиозаписью человеческой речи, смысла которой он не понимает. Впрочем, аналогом «китайской комнаты» предстает и один из членов команды землян, от лица которого ведется повествование. Он так называемый «синтет», то есть

человек, который из-за операции на мозге, проведенной еще в детском возрасте, воспринимает мир опосредованно – как наблюдатель, а потому синтезирует все реакции на окружающую действительность, в том числе эмоциональные. Таким образом, в «Ложной слепоте» различие имеющего сознание человека и лишенной сознания машины осложняется наличием или отсутствием эмпатии у объекта сравнения, в частности, можно ли считать человеком лишенного эмоций «синтета». Пелевин в романе «S.N.U.F.F.», как и Уоттс, связывает вопрос о наличии или отсутствии сознания и у андроида, и у человека с механизмом эмоциональной реакции.

Разворачивая метафору «китайской комнаты», Уоттс ориентируется на известный эффект восприятия куба Неккера. Под этим названием скрывается оптическая иллюзия, на которую в 1832 г. обратил внимание швейцарский исследователь Луис Неккер. Уоттс не только описывает зрительную иллюзию, но и воспроизводит графически куб Неккера на страницах книги. Ориентация куба меняется в зависимости от выбранной фокусировки: на переднем плане оказывается то одна грань, то другая. Считается, что данная оптическая иллюзия свидетельствует о сходстве между работой человеческого мозга и искусственной нейронной сети. Перенос точки наблюдения переключает ракурс и меняет восприятие куба Неккера. Аналогичным образом – в зависимости от точки зрения – и в «Ложной слепоте» Уоттса, и в интертекстуально связанном с «Ложной слепотой» романе Пелевина – меняется, образуя различные конфигурации, интерпретация «китайской комнаты». Куб Неккера, таким образом, поддерживает ключевую метафору в романе Пелевина и является ключом к ее прочтению. Этим ключом оказывается постоянное скольжение, или колебание, между взаимоисключающими интерпретациями.

Колебание (осцилляция) – одна из черт метамодернизма, который, как известно, характеризуется – наряду с осцилляцией – такими чертами как

«мета» (наряду, между, бытие между), гибридность, историчность, аффект, структура чувства, глубина, новая искренность, постирония, постправда. Колебание в метамодернизме понимается как «промежуточность», состояние «в-между»; присущая метамодернизму структура чувства характеризуется «колебаниями между двумя крайностями или скорее диалектическим движением, неразрывно связанным с противоречивыми позициями, которые оно отрицает – в этом качестве расшатывая и преодолевая их, – но никогда с ними не совпадает (удерживая их под своим контролем, находясь *наряду* или *среди* них)» (Аккер 2019 / 2017. 60). Пелевин, создавая двойственные образы и двойственную аргументацию, выступает как писатель-метамодернист. При этом эта двойственность отнюдь не связана с неуверенностью в выборе интерпретации.

Заключение

В романе «S.N.U.F.F.» происходит постоянное колебание между взаимоисключающими подходами: искусственный интеллект обладает независимым сознанием и искусственный интеллект не обладает независимым сознанием. Это постоянное колебание вписывает Виктора Пелевина в парадигму метамодернистской литературы. Можно также сказать, что здесь работает принцип дополнительности Нильса Бора. Кая балансирует между порядком людей и порядком машин. Ее статус, равно как и статус Дамилолы Карпова, балансирует между статусом агенса и манипулируемого объекта. В результате неоднозначность встраивается в повествование, становится неотъемлемым атрибутом персонажей и ситуаций.

Виктор Пелевин, герои произведений которого складывают «кубики слов» и «кубики текста», постоянно балансирует на грани реального и виртуального, естественного и искусственного, телесного и бестелесного, напоминая о зависимости интерпретации от выбранной точки наблюдения, о возможности

изменения фокусировки и о том, что любой рассматриваемый феномен может быть неоднозначным и обладать двойственной природой, более того, может даже оказаться невозможным.

Литература

- 1- Аккер Р. ван ден; Вермюлен Т. (2019 / 2017). *Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма*. М. : Группа компаний «РИПОЛ Классик».
- 2- Пелевин В. О. (2012). *S.N.U.F.F.*, М. : Эксмо.
- 3- Пелевин В. О. (2017). *iPhuck 10*. М. : Издательство «Э».
- 4- Смирнов И. П. (2010). *Текстомахия: как литература отзывается на философию*. СПб. : Издательским дом «Петрополис».
- 5- Чалмерс Д. (2019 / 1996). *Сознающий ум: В поисках фундаментальной теории*. М. : УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- 6- Dennett D. (1991). *Consciousness Explained*. The Penguin Press.
- 7- Searle J. (1980). Minds, Brains and Programs // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 3. P. 417–57.
- 8- Turing A. M. (1950). Computing Machinery and Intelligence // *Mind*, Vol. LIX, Issue 236. P. 433–460, <https://doi.org/10.1093/mind/LIX.236.433>
- 9- Watts P. (2006). *Blindsight*, New York : Tor Book.

Bibliography

- 1- Akker R. van den; Vermjulen T. (2019 / 2017). *Metamodernizm: istorichnost', affekt i glubina posle postmodernizma*. М. : Gruppy kompanii «RIPOL Klassik».
- 2- Pelevin V. O. (2012). *S.N.U.F.F.*, М. : Jeksmo.
- 3- Pelevin V. O. (2017). *iPhuck 10*. М. : Izdatel'stvo «Je».
- 4- Smirnov I. P. (2010). *Tekstomahija: kak literatura otzyvaetsja na filosofiju*. SPb. : Izdatel'skim dom «Petropolis».
- 5- Chalmers D. (2019 / 1996). *Soznajushhij um: V poiskah fundamental'noj teorii*. М. : URSS: Knizhnyj dom «LIBROKOM».
- 6- Dennett D. (1991). *Consciousness Explained*. The Penguin Press.
- 7- Searle J. (1980). Minds, Brains and Programs // *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 3. P. 417–57.

- 8- Turing A. M. (1950). Computing Machinery and Intelligence // *Mind*, Vol. LIX, Issue 236. P. 433–460, <https://doi.org/10.1093/mind/LIX.236.433>
- 9- Watts P. (2006). *Blindsight*, New York : Tor Book.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Bugaeva Liubov Dmitrievna (2023). ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND VICTOR PELEVIN. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 11(2), 11-27.

DOI: 10.52547/iarll.22.1

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/287>

هوش مصنوعی و ویکتور پلوین

لوبوف دمیتری یونا بوگایوا^{*۱}

استاد، دانشگاه دولتی سن پیتربورگ،
سن پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۲۳؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۲۳)

چکیده

ویکتور پلوین با شروع داستان‌ها و رمان‌های نخستین خود همواره به واقعیت دیجیتال، الگوریتم‌های آینده، مسائل تقابل هوش مصنوعی و انسان می‌اندیشید. یکی از مسائل اصلی مورد توجه وی به این موضوع معطوف می‌شود که آیا آینده هوش مصنوعی دارای تفکر مستقل است یا تنها شبیه‌سازی فعالیت ذهن انسان را انجام می‌دهد؟ در این مقاله موضوعاتی مانند هوش مصنوعی، آزمایش ذهنی «اتاق چینی»، آزمون تیورینگ، خطای دید موسوم به «مکعب نکر» و بازی با این آزمایش‌ها، ایده‌ها و نظریه‌ها در آثار پلوین، به‌ویژه در رمان «S.N.U.F.F.» (۲۰۱۱)، بررسی می‌شوند. پیش‌فرض این است که ویژگی آثار پلوین که به هوش مصنوعی اختصاص دارند، نوسانی بودن آنها، یعنی حرکت در بین دو لبه یک محدوده است. این ویژگی، نویسنده را به‌ویژه در آثار جدیدتر، به سمت سنت تمام‌درنیزم که به عنوان جایگزین پست‌مدرنیزم در حال بروز است، سوق می‌دهد.

واژگان کلیدی: ویکتور پلوین، «S.N.U.F.F.»، هوش مصنوعی، آزمایش ذهنی، خطای دید، اصل تکامل، تمام‌درنیزم.

1. E-mail: l.bugaeva@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3984-83861>

* نویسنده مسئول
نوع مقاله: علمی- پژوهشی